

КНИГА ПЕРВАЯ

ВКУС ЗАПРЕТНОГО ПЛОДА

Уладив торговые дела, Салават поехал на оптовый рынок, купил несколько ящиков яблок, хурмы, апельсинов, мандаринов. Затем посадил в машину Лилит, и они направились в Дом ребенка. Там воспитываются до школьного возраста дети-подкидыши и отказные малютки.

— А кто вы? — поинтересовалась заведующая, милостивая женщина средних лет, всматриваясь в посетителей.

Немного подумав, Салават ответил:

— Мы обычные предприниматели.

— А ваша фамилия? Давайте регистрируем вас в журнале благотворителей.

— Нет, не беспокойтесь, это необязательно.

— Может быть, мы построим малышей в ряд и вы самолично раздадите им фрукты? А мы вас сфотографируем.

Салават смущенно возразил:

— Мы не хотим доставлять вам лишних хлопот. Показуха нас тоже не интересует. Просто возьмите эти гостинцы и раздайте сиротам сами.

Заведующая весьма удивилась такой скромности, но в конце концов согласилась. Такие же угощения Салават и Лилит время от времени отвозили в городской детдом.

Вернувшись домой, Салават быстро подготовился и встал под канал.

Сегодня снова ему дали большую физическую нагрузку, а затем пальцы сами нащупали и сделали точечный массаж нужного места на груди.

Слава богу, отношения с женой наладились. Бизнес тоже идет в гору. После долгих мытарств он смог забрать деньги у нескольких предприятий-должников. В том числе и у колхоза родного аула. Лилит в отсутствие Салавата взяла и отгрузила им товар на кругленькую сумму. С тех пор прошло два года, а они даже не думали возвращать долг. Несколько раз он ездил к председателю, пробовал договориться. Руководитель хозяйства Гайнулла каждый раз встречал его с широкой улыбкой, обещал незамедлительно расплатиться и... в очередной раз оставлял с носом.

Верно говорят в народе: отдаешь руками, а забираешь ногами. Когда Салават в очередной раз приехал в аул, Гайнуллы на месте не было. Поинтересовался у столпившихся возле конторы мужиков, где хозяин, и старший из них указал пальцем в сторону развалин фермы за рекой:

— Во-о-он Гайнулла ворует колхозное имущество.

В самом деле, у руин фермы, будто попавшей под огонь вражеской артиллерии, грузили краном в тяжелый грузовик железобетонные блоки и плиты. Салават без особого удивления уставился на односельчан:

— Как это ворует?

— А вот так: деньги за стройматериалы не вносит в колхозную кассу, а кладет себе в карман...

— И знает об этом весь аул?

— Конечно.

— И милиция?

— У милиции глаза слепые, уши глухие, а пальцы в свою сторону загнутые...

Мужики захохотали:

— Верно ты сказанул, Басир-агай!

— В точку попал!

— Коли их начальник приезжает в наш колхоз за халявным мясом, маслом, зерном да картошкой, зачем они будут на руках дающего наручники застегивать!

— Да уж, лучше впаяют три года суслику Фарису, который пару мешков зерна пропил, или посадят на два года Раяна по прозвищу Медведь за то, что овцу колхозную уволок...

— Ага, хоть верблюда укради, хоть пуговицу, все равно вор!

— По пустякам всяких мелких воришек сажают, а к настоящим воругам-начальникам и близко не подходят.

— Ясное дело, рука руку моет, а обе руки — лицо...

— Почему тогда с должности его не вышвырнете? — допытывался Салават.

Басир-агай с безнадежным видом махнул рукой:

— Вор не разбогатеет, обжора не нажрется... Мы уже привыкли к ворам-начальникам. Что один, что другой — без разницы.

— А ведь богатеют! Сколько наших председателей себе дома отстроили, общего добра нахапали да махнули на колхозных машинах! — возразил ему колхозник средних лет.

— Да бог с ними, все равно не смогут ворованное с собой на тот свет унести, — поставил точку в споре Басир-агай.

Увидев внезапно подъехавшего Салавата, низкорослый, но округлый как колобок, Гайнулла, враз побледнел. В забегавших словно у вороватого кота глазах отразился страх.

— Зд-дравствуй, туган¹, по какому делу?

— В здравии, абзый. Ты мое дело отлично знаешь, хоть память у тебя коротка... С каких уж пор не возвращаешь мои кровные.

— Да-а тут...

— Даже не начинай, сказочки припаси для других кредиторов, а мне сейчас же выдашь бумагу.

— Какую еще бумагу?

— Заберу хотя бы колхозную муку с городского элеватора и верну свое.

— Муку? А... это самое...

— Не хочешь отдавать муку, гони сюда деньги за ворованные и проданные сейчас стройматериалы! — перебил его Салават.

Смуглое лицо Гайнуллы побагровело. Он потер рукавом пиджака лоб.

— Ладно, подожди в конторе, сейчас подъеду, — попытался ускользнуть председатель, но Салават тут же осадил:

— Я жду уже два года! Быстро закругляйся, поедем в контору вместе!

Салават выбил из должников около двадцати тысяч долларов. На днях через приятеля отправил в Москву документы на промышленный теплообменник, недавно купленный по дешевке. Если удастся перепродать это оборудование, на вырученные деньги привезут товар из столицы. Им и самим надо бы съездить в Москву, получить еще пару каналов для Лилит.

Поток воспоминаний резко повернул в страну молодости.

«Эх, безвозвратны уже те годы! Каким удивительно чистым душой и сердцем, энергичным, сильным я был тогда, с каким вдохновением писал свои картины! Может быть, я смогу вернуть чудесный душевный настрой тех лет? Иногда мне кажется, что мое духовное состояние понемногу приближается к тогдашнему... Не зря же меня очищают от грехов».

Аргамак памяти помчал Салавата в детские годы.

...На летние каникулы Салавата снова отвезли к бабушке. Гульфариза-олясэй живет не одна. После переезда их в аул Шагидуллы-атая она приютила у себя одинокую, увечную и слегка тронутую умом старушку по имени Ишбика.

Много лет назад, в горячую пору жатвы, родители Ишбики взяли ее, тогда еще грудного младенца, с собой на поле. Внезапно поднялся ураган и, закружив в воздухе люльку с Ишбикой, забросил на соседнюю пашню. Малютку отыскали, но у нее повредились рассудок и нога. Девочка подросла, однако так и не научилась нормально разговаривать.

Работающую Ишбику, несмотря на увечье, взял в жены пожилой мужчина. Они прожили довольно долго, но детей у них не было. После смерти мужа Ишбика не смогла вести хозяйство в одиночку. Старенький домик потихоньку развалился, и она осталась на улице.

С тех самых пор Ишбика пошла по домам: проводя в каждом два-три дня, по очереди обходила весь аул. Занятно, что она в любой избе вела себя как равноправный член семьи: доила корову, присматривала за детьми, кормила домашнюю птицу... Образ жизни Ишбики никого не удивлял — когда она входила в чей-то дом, ни-

¹ Туган — в нарицательном значении: родной.

кто не выказывал недовольства, напротив, все радушно и гостеприимно привечали ее.

Старушка Ишбика у Гульфаризы-олясэй за несколько лет совместной жизни так освоилась, что держалась не как член семьи, а как хозяйка. По этому поводу мать Салавата упрекнула было бабушку: «Зачем ты ее так разбаловала, будь поостроже!», но та лишь махнула рукой: «Какая еще радость у убогого человека, пусть поважничает...»

В честь приезда внука бабушка попросила нарезать курицу. Когда суп был готов, расстелила на топчане скатерть и расставила припасенные для Салавата сладости. Старушка Ишбика поставила на дастархан медный поднос с куриной тушкой и ловко разделила ее на части. Дом наполнился аппетитным ароматом свеже сваренного мяса.

— На-а-а, держи-и, го-о-остю но-о-ожка, на-а-а! — Протяжно мыча, как их черно-пестрая королева Зойка, бабка Ишбика всучила Салавату окорочок, а второй протянула Гульфаризе-олясэй: — На-а-а, ста-а-аршему че-еловеку то-о-оже но-о-ожка полагается, на-а-а...

До чего же вкусна курятина, язык можно проглотить! Наевшись мяса, шурпы с лапшой, заправленной кислым курутом, выпив чаю за неспешной беседой, начали готовиться ко сну.

Бабушка, шепча дуа¹, накинута крючок на дверь. Затем, подойдя к каждому окну, повторила молитвы и приготовила постель на топчане. Салават лег рядом с бабушкой. Он абсолютно счастлив. Как хорошо, когда у тебя есть бабушки! А Салават на них богат, у него их трое: бабушки Гульфариза, Уммикамал и Кафия. Уммикамал-олясэй, хоть и неродная, просто обожает его. Бабушка Кафия — мать родного отца. Он видел ее лишь раз. В двух-трехлетнем возрасте мать отвезла Салавата на санках к ним, а вернувшаяся откуда-то бабушка Кафия привезла обратно и поспешно ушла, сердито выпалив:

— Если что — отдай нам ребенка насовсем, а вот так не пытайся разрушить семью моего сына, больше не приводи!

Мать взяла Салавата на руки и прижала к груди:

— Как же я отдам свою кровиночку? Я ведь вымолила, выпросила у Аллаха именно мальчика, чтоб было кому лошадь запрячь... Вот подрастет мой сын, будет возить дрова, сено и солому, правда? Перестанем наконец клянуть лошадь у мужиков...

Да, много у него бабушек, а вот дедушек ни одного. Было бы здорово, если б и они были живы. Салават спросил у Гульфаризы-олясэй:

— А давно умер олатай²?

— В тридцать третьем году. Тогда маме твоей было всего три годика.

— Дедушка умер от болезни?

— Нет, не болел он вовсе... — Бабушка на время смолкла. — Крепкий как дуб мужчина взял да и помер всего в пятьдесят три годика. Видно, на роду ему было так написано. Домой пришел под вечер. Толком не поел. Сходил с кумганом на двор, потом сказал: «Почему-то сил нет, лягу сегодня пораньше», — и склонил голову на подушку. Больше не встал. — Бабушка снова чуть помолчала и, тяжело вздохнув, продолжила: — Ох и могуч был твой дед! Девятый десяток мне уже пошел — а такого силача, как Муллагали, больше не видала! Он славился силой и отвагой в наших краях. Когда ходили с обозами в Стерлитамак, Уфу и Оренбург, его лошадь всегда была впереди. Ехавшие навстречу возчики, завидев Муллагали, сразу узнавали его и уступали дорогу.

— А почему?

— Он так приучил. Если не уступали, сходил с саней и молча поджидал. Набросится противник — давал ему тумака. Муллагали наносил противнику лишь один удар. Что тут скажешь, трудно идти против такой силы.

Однажды в зимнюю стужу, промаявшись неделю в пути, прибыли из Оренбурга в Стерлитамак. Закоченели дюже, вот и зашли в трактир отогреться, перекусить. Для сугреву водки заказали. Твой дед только потянулся к рюмке, и тут огромный, как бык, мужик взял да тяпнул его водку. Муллагали удивился, но промолчал и снова наполнил стопку. Здоровяк выпил опять и нагло уставился на него. Он спросил: «Туган, ты чего?» А тот размахнулся и стукнул. Тогда твой дед сказал: «А-а, вот ты какой... Только не так надо бить, а вот как!» — и отвесил такой удар, что наглец с грохотом свалился на пол. Люди в трактире опешили, перепугались не на шутку. Однако убедившись, что тот звероподобный страшила не встанет, начали радостно кричать: «Великана уложил! Громилу одолел!» Оказалось, этот лихой человек держал в страхе весь город, был отпетым головорезом. Все боялись его как огня. Сильная рука — владыка, никто не мог противостоять злодею. Люди обрадовались, начали класть на стол твоего деда деньги, приговаривая: «Дай бог тебе здоровья, батыр!» Много положили, денег было полный стол.

— Значит, дедушка богачом вернулся?

— Хе-хе-хе, — усмехнулась бабушка, — кулаками шибко не разбогатеешь. Те деньги тут же прокутили вместе со всеми, кто был в трактире. Ветром принесло — ветром и унесло.

— А с тем великаном что стало?

¹ Дуа (араб.) — мольба, обращение к Аллаху, молитва.

² Олатай — дед, дедушка.

— Приехали на лошади родители, погрузили на сани да увезли.

«Значит, дед Муллагали тоже был драчуном, как Шагидулла-атай?» — подумал Салават и спросил бабушку:

— А дедушка часто дрался?

— Не часто, но бывало. Бывал килмешэков — пришлох людей, которые пробовали обижать аульчан и хотели отнять наши земли. Иногда на свадьбах или в гостях, выпив лишку браги, затевали потасовку... — Немного помолчав, бабушка продолжила распутывать клубок воспоминаний: — Дед твой был самым храбрым и видным мужчиной, но однажды провели и его: три-четыре человека подкараулили хмельного, свалили с ног, стукнув длинной жердью, и рассыпались по сторонам.

Не только силу батырскую, но и чутье звериное имел твой дед. Когда промышляли на стороне и темными ночами блуждали в степи, умел найти верный путь, обнюхав землю под ногами.

И щедростью славился мой Муллагали. В двадцать первом году люди исстрадались, многие умерли с голоду. Помню как сейчас: наш сосед Якуп-агай понуро вышел за ворота с топором в руке и затынул скорбным голосом песню:

Когда веет ветер осенний,
Шумят березы нашей равнины.
Не спев тихонько задушевную песнь,
Не унять мне горя-кручины.

Грустно допев, тихо подошел к Муллагали и протянул топор: «На, сосед, возьми». Они уже давно пухли с голоду. Не осталось даже вещей, чтобы продать по дешевке и купить еды. Твой дед ничего ему не ответил. Зашел в дом и вынес соседу два-три фунта муки. Якуп-агай снова протянул топор, а Муллагали не взял. Сосед обрадовался, с благодарностью на устах поспешил домой накормить ребятшек.

— Олясэй, а голод часто случался?

— Голод случался в засушливые годы.

При слове «голод» почему-то Салавату привиделся изможденный дядька в лохмотьях. Бабушка продолжила воспоминания.

— В тысяча девятьсот одиннадцатом была страшная засуха: весной даже трава не смогла проклюнуться, земля лежала вся черная. Спасибо, в тот год царь Николай не дал помереть — открыл в каждом ауле бесплатные столовые и кормил народ раз в день.

— А в голод двадцать первого года, наверное, кормили красные...

— Накормят, как же! Когда красные брали аул, вламывались в дома, кричали: «Давай мясо! Масло!

Яйца!», отбирали последнюю еду. Столько народу погубили... Соседа нашего Бакира расстреляли без причины. Мать его бабка Гульбустан тронулась умом, до самой смерти ходила по аулу и причитала: «Бакира застрелили! Сыночка убили! Тогда наш аул спасли от голодной смерти американы, инглизы и германцы — два года подряд кормили народ, весной раздавали семена для посева.

Салавата озадачили воспоминания бабушки. Кому же верить — Гульфаризе-олясэй или школьным учителям? Но ведь весь аул знает, что олясэй всегда говорит правду. А разве учителя могут обманывать? Желание узнать истину взяло верх, он снова спросил:

— А белые тоже... были плохие, как красные?

— Нет, белые нас не обижали.

Салават еще больше удивился: «Вот это да! Кому же верить? В школе им твердят, что Бога нет, а бабушка повторяет “Бисмиллях”¹ почти на каждом шагу». Такие противоречия никак не уместались в сознании, и он снова затеребил бабушку:

— Олясэй, а Бог есть или нет его?

Бабушка испуганно всполошилась:

— О Аллах! Прости несмышленного ребенка! — Затем повернулась к внуку: — Конечно, есть! Помимо воли Всевышнего, мы и шагу не ступим! — Бабушка зашептала дуа и снова взмолилась: — О Всемилостивый! Ты дал мне четырнадцать детей и только одну, самую младшую дочь оставил в живых, много раз обрекая меня на материнское горе. Подчиняюсь такдиру, предписанной Тобой мне судьбе, принимаю все, что предназначено. Только прошу, ниспошли моему единственному внуку счастья в обоих мирах! Даруй ему удачу великую, большой талант и долгую жизнь, как у его предка Абдулгалим-бабая, ум, богатство и трудолюбие, как у моего деда Султана, здоровье и мудрость, как у старейшины Нугмана, силу, чутье и отвагу, как у мужа моего Муллагали, мужественность, справедливое и храброе сердце, как у Салават-батыра, и самое главное, совершенный иман². Будет иман — приложится все остальное. Огради же моего внука от ухищрений шайтана. Аллаху акбар! Аминь! — Бабушка повернулась к Салавату. — Ладно, дитя мое, пора спать. Завтра еще поговорим. Айда, повторим дуа, которую читают перед сном: бисмилляхир рахманир рахим...

Салават повторил вслед за бабушкой:

— Бисмилляхир рахманир рахим.

Она продолжила:

¹ «Бисмиллях», «Бисмилляхир рахманир рахим» — фраза, произносимая в каждой молитве, перед началом любого важного дела или проекта.

² Иман — вера, совестливость.

— Лягу — на топчан,
Подушка моя — саман,
Религия моя — Ислам.
Желание мое — Иман,
Лягу со словами «О Аллах»,
Когда встану — иншааллах.
Если вдруг не встану больше,
Упокой меня с иманом, о Аллах.

Как только Салават закончил повторять мунажат¹ вслед за бабушкой, она сразу уснула и засопела. А он по привычке еще долго лежал, размышляя: «Наверное, верно говорит олясэй, Бог есть. А иначе кто же... Если подумать, все ведь на своем месте. По утрам солнышко восходит и все вокруг освещает. Для пропитания людей и животных дожди выращивают травы, деревья и зерна. Когда вечером солнце закатывается, его сменяет луна. Темными-претемными ночами освещает хотя бы тропинку под ногами, и то годится. Луна и солнце, люди, бесчисленные живые существа на земле — как появилось все это, если их не создал Аллах? А откуда

появился сам Бог? Первый космонавт Юрий Гагарин слетал в космос. Но где границы космоса? А что там, за его пределами?..»

Музыка смолкла. Аргамак памяти выплыл из потока воспоминаний и вмиг доставил Салавата в реальность дня нынешнего.

* * *

Следующий день Салават посвятил предкам: заказал надгробные памятники на могилы родного отца, отчима Шагидуллы-атая, бабушек Гульфаризы и Уммикамал. Договорился с муллой и оплатил полное прочтение Корана с просьбой у Аллаха прощения грехов деда Муллагали. Побывав в мечети, раздал хаир² за упокой давно почивших родственников и всех душ, уповающих надежду на упоминание. Вернувшись домой, встал под канал...

На сегодняшнем сеансе впервые и как всегда произвольно выполнял новые для себя, но удивительно сложные и совершенные упражнения. Будучи достаточ-

¹Мунажат — в данном случае: напевное стихотворение-обращение к Богу.

²Хаир — подаяние, милостыня.

но опытным спортсменом (мечтая стать сильным, как отчим, он с детства тянулся к спорту), Салават оценил эти упражнения очень высоко.

На уроках физкультуры, в спортивных секциях обычно учили делать простые и примитивные упражнения. Эти же движения, которые под влиянием каналов космознергетики выполнялись руками, ногами и всем телом с поразительной гибкостью, были чрезвычайно гармоничны, точны и совершенны.

В конце сеанса перед глазами пронеслись давно знакомые картины: закованный в кандалы мужчина с жутко изуродованным лицом, кажущийся ему очень близким человеком, и висящая на ветке дерева люлька с младенцем.

Вот начал вырисовываться какой-то знак. Вскоре он стал светиться, словно яркая звезда на ночном небосводе. Этот символ затем показывали почти на каждом сеансе, но Салават, сколько ни ломал голову, не смог понять его значение. Смысл знака, впервые «увиденного» им закрытыми глазами под каналами, дойдет до него лишь девять лет спустя.

Вдруг возник над ним огромный голубой глаз. По-немногу желтея, он стал золотым и начал изливать теплые лучи на Салавата.

Золотое око исчезло, и заполыхали удивительные космические сияния, сверкающие тысячами разных цветов. Бесчисленные звезды, принимая причудливые формы, вначале быстро вертелись слева направо, потом закружились наоборот.

Вот, озарив звездное небо, величественно возникла огромная золотая птица Хумай и, осветив все вокруг ослепительными лучами, грациозно пролетела дальше. Салават с благодарностью вобрал в себя ярко-золотистые лучи, исходящие от птицы счастья.

После сеанса, по обыкновению, обменивались впечатлениями с Лилит.

— Показали мужчину в оковах. Все лицо у него в шрамах, напоминающих какие-то буквы, носа почти нет. Он показался мне родным человеком. Еще промелькнул младенец в колыбели, висящей на ветке дерева. И мужчину, и младенца я несколько раз видел во сне, когда лежал в госпитале. Посмотри-ка, что означают эти видения?

Лилит, прищурился глаза, напряженно подумала, затем внезапно воскликнула:

— Салават Юлаев!

— Салават Юлаев?! — Салават опешил. — Но почему он так часто мерещится мне? А ребенок в люльке?

— Этот младенец — сын Салавата Юлаева! Аллабирды, говорят мне... Значит, Аллахом дарованный ребенок.

— А почему я их так часто вижу?

Лилит опять сосредоточилась и ответила взволнованно:

— Салават Юлаев — твой предок в седьмом поколении, сказали они.

— Чей предок, мой?

Лилит, немного подумав, вдруг начала утверждать совершенно другое:

— Нет, мой! Наверняка, мой! Конечно же, мой!

Значит, Салават Юлаев — мой пращур!

— Но ведь... он совсем из другого племени...

— А младенец в люльке? Его же назвали сыном Салават-батыра. Выходит, этого ребенка привезли в наши края. Этот малыш — продолжатель рода Салавата Юлаева, моего дальнего предка... — сделала вывод Лилит с привычной для себя убежденностью.

Салават не стал возражать против ее «неопровержимой» логики.

Поразмыслив немного, Лилит загадочным голосом продолжила:

— Во время сеанса сообщили кое-что. Очищение, подготовка к посвящению будет длиться еще пять дней, пока не покаешься полностью. В эти дни тебя ждет большое испытание. Самые слабые твои стороны — женщины и алкоголь. Теперь, когда ты с искренней решимостью стремишься к духовным высотам, попытаются завлечь тебя ими и, снова запачкав твою душу, заставить скатиться вниз. Если не сумеешь пройти испытание, тебя ждет страшное наказание. — Лилит строго поглядела на мужа.

— Какое наказание? — Салават настороженно уставился на нее.

— Если оступишься, в качестве наказания заберут меня...

У Салавата внезапно похолодело на сердце. В мозгу заворошились лихорадочные мысли: «О Аллах, не покарай меня так жестоко! Как же избежать таких хитрых ловушек в виде женщин? Хоть на улицу не выходи. Ведь я от чистого сердца зарекся не совершать такие грехи! И всей душой убежден, что сдержу слово. Я же научился обуздывать свои низменные страсти. Уже понял: если жаждешь побед, вначале нужно победить себя... О Всевышний, прошу Тебя, пошли мне твердость духа, чтоб я смог одержать полную победу над самим собой!»

* * *

Нелегко труд честного (в отличие от блатного) предпринимателя — барыши ему с неба не падают. Чтобы добыть свой хлеб с маслом и икрой, он вынужден рыскать, как гончая собака. Наемный работник возвращается домой и, подобно обычному школьнику

ку, швыряющему ранец в угол, забрасывает «мешок» должностных обязанностей в сторону и не вспоминает о нем до следующего дня. Более того, даже на рабочем месте находят возможность прокручивать личные дела. А нескончаемые проблемы коммерсанта плетутся вслед за хозяином к нему домой. Даже когда он ложится спать, не оставляют в покое — теснее законной жены обхватывают за шею. А если уснет, бесцеремонно вторгаются в сны.

Желая хоть ненадолго отвлечься от рискованных проектов и забот российского дикого бизнеса, предприниматели расслабляются кто во что горазд: одни налегают на спиртное, кто-то путается с чужими женщинами, некоторые просаживают деньги в казино, другие, убегая на лоно природы, рыбачат или охотятся.

Несмотря на субботний день, Салават мотался по городу, когда позвонил Марат, друг детства: «Привет! Вот приехал из Уфы. Собрались в сауну с хорошими людьми, тебя тоже приглашаю». Сначала чуть было не согласился от радости. Да и давно не виделись. Хорошо еще, что в голове щелкнуло вчерашнее предостережение жены, и он улыбнулся про себя: права была Лилит...

Повстречавшиеся на улице женщины тоже обворозительно улыбались ему. Прежде Салават ни за что не прошел бы мимо... Однако сейчас нельзя предаваться даже греховным мечтам о них.

О Всевышний! И почему Ты сотворил женщину такой прекрасной, грациозной и соблазнительной?! Сколько раз за рулем, заглядевшись на красотку, Салават чуть не врезался в придорожные столбы! Бывало, и идя пешком мог засмотреться на женщину так, что наткнулся на что-нибудь. Пару раз даже набивал шишки на лбу или в новехоньких туфлях забредал в грязную лужу.

А теперь Салават просто удивляется: как он смог измениться за такой короткий срок? Еще совсем недавно, завершив дневные дела, он будто на крыльях мчался к любовницам. А нынче уже торопится побыстрее вернуться домой и встать под каналы. Да и здорово, оказывается, когда чист перед женой: не надо юлить, изворачиваться и оправдываться.

Если одна часть его человеческой сущности поражалась, недоумевала, была недовольна произошедшими в нем переменами, то другая, находящаяся в самом центре, испытывала искреннюю радость и упоение.

На сегодняшнем сеансе Салават тоже произвольным выполнял разные упражнения, в том числе дыхательные, и массировал биологически активные точки. Затем долго потирал указательным пальцем точку на груди. Вскоре перед глазами возник огненный шар. Салават решил, что это чакра. В этот момент сверху полился

приглушенный свет, и привиделись разные картины. Показали тот загадочный знак, сверкающий на небосводе. Не очень отчетливо проплыл по звездному небу Иисус Христос, пригвожденный к золотому кресту. Временами мелькал образ Мариам-ана — Девы Марии. Снова появился тот таинственный символ, он сменился потоком света, спиралью поднимающимся ввысь. Вот прошла толпа людей в нарядных национальных одеждах разных народов...

Салават не мог понять разумом и сердцем все картины и видения, представавшие перед ним во время сеансов. Увы, он до сих пор не имел даже минимальных религиозных знаний. Интересно, сколько уже поколений людей с высшим образованием, но абсолютных неучей по части духовных знаний выросло уже после Октябрьской революции?

Перед глазами долго стояла картина: в протянутых ему сверху ладонях горит огонь, словно факел. Руки видны смутно, а пламя яркое. Поняв, что этот огонь предлагают ему, Салават обрадовался. После обращения с мольбой к Богу семь раз произнес слово «аминь». В тот момент нисходящий свет стал ярче.

Внезапно он вспомнил: предстоит серьезное испытание. Хорошо, если он сможет с честью пройти все преграды.

Честь и совесть... Видно, истинная совестливость, чистота души остались в далекой стране детства. Солнце тогда светило ярче, небо было голубее, трава и деревья зеленее, ветер нежнее, воздух свежее... Весь мир воспринимался как несравненное чудо.

Такое же ощущение душевной чистоты возникало, когда он в молодости упоенно писал картины в родном ауле. Быть может, предстоящее посвящение вернет ему то дивное состояние?. После посвящения он и примется за живопись.

* * *

Воскресенье прошло как обычно. Съездив в торговый центр, купили дочерям обновки. Вернулись домой — а там Габдразак, кайнага¹ Салавата, привел жену, чтобы показать ее Лилит.

Салават собрался было вздремнуть, но не успел прилечь. Зазвонил телефон, и в трубке раздался зычный голос заслуженного художника России Ильгама Юмабаева.

— Приветствую, Салават!

— Здравствуй, Ильгам-агай.

— Я тебя вот по какому вопросу беспокою: хотел бы нагрнуть к вам с поллитровочкой...

¹ Кайнага — старший брат жены.

Недолго думая, Салават ответил прямо:

— Эх, Ильгам-агай, я тут в баню собрался. Если хочешь, пойдём в баню вместе.

— Я уже помылся вчера. А нынче хотел с тобой поговорить. Ну, хорошо, успею ещё, будь здоров. — Мэтр положил трубку.

Разговор лег тяжестью на душе Салавата: похоже, обидел он агаю... Ладно, может, и не обидится. Ведь в угоду другому нарушать собственные планы, наверное, тоже не годится.

Салават лишь в одиннадцать ночи вернулся из бани и встал под канал.

На сеансе падающий сверху свет был намного слабее вчерашнего. Видений тоже было мало: несколько раз промелькнул тот знак, крест и золотогривый конь. Да, ещё трижды показали младенца в пеленках...

Похоже, в сегодняшних видениях не было разнообразия и выразительности из-за душевного состояния Салавата. Настроение испортила Лилит. Опять завела ту же волюнку: «Находясь под каналом Миди, я попросила, чтобы мне помогли образумить Рустама, подворовывающего деньги из дома. Мне ответили: перестанет муж тратить деньги на стороне, тогда и сын образумится. Значит, ты и после Зульфийи имел любовницу!»

Ох и вцепилась в него жена, как бешеная собака... Хорошо ещё, Салават не стал с ней ругаться. Лишь в голове всколыхнулись укоризненные мысли: «Лилит грубо нарушила наш уговор: мы условились, что она не будет злоупотреблять экстрасенсорными способностями в наших отношениях. Ну никак не может бросить привычку вынюхивать! Я уже признал прежнюю вину. Я давно уже чист перед ней и решил больше никогда не изменять! Так обрыдли эти ссоры! От ее разборок мне уже белый свет не мил. Неужели она не сможет простить меня и всю жизнь будет попрекать за прежние измены?»

* * *

Несмотря на плохое настроение, сегодня Салават успел сделать многое: сдал отчет в налоговую инспекцию, уладил дела еще в нескольких учреждениях, проверив магазины и торговые точки, забрал дневную вырубку.

У Лилит тоже было много посетителей, лишь в десятом часу вечера она смогла проводить их и поставить Салавата под канал.

После довольно долгих упражнений Салават лег на ковер лицом вниз. Сквозь дрему вспомнил об Ильгам-агае: нехорошо вчера получилось.

Перед глазами возникло лицо встретившегося ему сегодня невероятно талантливого танцора Малика¹ Янтурина. Он был истинным маликом — прославленным принцем национального танцевального искусства. Закавыка лишь в грустном слове «был»... Увы, нынче в Янтурине осталась лишь тень от прежнего малика-принца. Причина общеизвестна...

Салават дал маэстро, оставшемуся без семьи, работы и денег, сто долларов. Сумевший сохранить достоинство Малик сконфуженно принял «подмогу» и обещал вернуть при первой возможности. Надо бы как-нибудь уговорить его и привести к Лилит. Может быть, бросит он пить. Ведь алкоголизм — добровольное обречение себя на жесточайшие душевные и физические муки.

В конце сеанса он решил: «Сегодня 26 марта, но-волуние. В этот день я намеревался наконец отыскать свои афганские этюды и приступить к давно задуманной картине. Но пока воздержусь. Надеюсь, что если полностью очищусь за эти два-три дня, мне дадут посвящение. На столь важное дело, как возвращение к творчеству, правильнее будет отважиться после принятия посвящения».

* * *

Вот и настал последний, решающий день подготовки к посвящению. Под каналами Салават непроизвольно выполнил много упражнений. Во второй части сеанса лег навзничь и долго двигал пальцами правой руки. Затем стал делать точечный массаж на груди, и льющийся сверху матовый свет немного усилился.

После этого стал тереть ладонью правую сторону головы. Привиделось множество картин: тот загадочный символ, бескрайние просторы космоса, мириады звезд, еще много чего, что пока не воспринималось сознанием...

Затем Салават сел в позу лотоса и трижды произнес слово «аминь». И вдруг почувствовал покалывание в затылке. Перед зажмуренными глазами запыхал огонь. В голове еще несколько раз кольнуло, и, кажется, туда что-то поместили. Он даже явственно ощутил, как отяжелела голова. Снова появился таинственный знак, и тут же показали золотое перо.

Но душа, под влиянием каналов воспарившая ввысь и отдавшаяся столь высоким, ярким чувствам, была оглушена и повергнута на грешную землю грубым окриком Лилит.

—Ты недавно сажал любовницу в машину?! Мне передали свыше! Говори правду, поклянись! — кинулась выпытывать она.

¹Малик (араб.) — принц.

Салават был глубоко оскорблен. Он почувствовал себя птицей, сбитой на лету острым камнем. Бестактность жены унизила его. Своей выходкой Лилит и себя сильно принизила перед ним.

Собрав всю силу воли, Салават едва сумел сдержаться. Ни слова не сказал жене, но настроение упало, а в голове пронеслись мучительные мысли: «Ведь я полностью признал свои грехи и ступил на правильный путь. Теперь у меня перед ней нет никакой вины. Почему же она все еще подозревает меня? Что поделаешь, наверное, так и бывает, когда потеряно доверие. Задрал волк добычу или нет, его пасть всегда в крови...»

Но придет ли когда-нибудь конец подозрениям, допытываниям и несправедливым обвинениям Лилит? Да и нечестное использование каналов космознергетики и своих способностей — тоже дело неодобряемое. Этим она лишь запятнает себе душу, ослабит дух. Из-за неуместных упреков мое сердце охладевает к ней. И хуже всего, она роняет передо мной авторитет, завоеванный добрыми делами».

* * *

Вот и настал этот день — 28 марта 2001 года, день посвящения. Салават с нетерпением, волнением и настороженностью дождался его, мучимый тяжелыми сомнениями: успел ли он полностью очиститься? Не запятнали ли сердце недавние размолвки с Лилит? Ниспошлют ему посвящение или нет? И вообще, достоин ли Салават такой чести?..

Жена, обидчиво поджав губы, строго сообщила:

— Свыше передали: посвящение назначено на десять утра, начинай готовиться.

Радостное известие как рукой сняло уныние и тревоги последних дней. Салават бодро принялся за приготовления: принял тахарат, ополоснулся.

Однако не успел пробраться под каналами и получаса, их прервали. Позвонили продавцы: в магазин неожиданно нагрянули проверяющие, заставили запереть дверь, требуют торговые документы.

Поговорив по телефону, Лилит была вынуждена прекратить церемонию.

— Почему прервала? От проверяющих особого вреда не будет, посвящение намного важнее, — возразил Салават, но жена перебила:

— Я тоже так думала, только тебе велено идти на работу. Посвящение отложили на вечер, с десяти до полуночи. Говорят, ночью будет удобнее.

Салават с нескрываемой досадой оделся и с тяжелым чувством захлопнул дверь.

Весь день провозившись с проверяющими, он лишь в десятом часу возвратился домой. Дождавшись назна-

ченного времени, с заметным внутренним смятением встал под канал.

Сеанс сразу начался с различных упражнений. К проделанным прежде добавились и новые. Позже Лилит телепатически объяснили: оказывается, эти упражнения — тантрические.

Получив интенсивную физическую нагрузку, Салават лег на спину и продолжил произвольно выполнять разные движения. Перед глазами величественно проплыли изумительные виды космоса, мириады звезд, светящиеся тысячами разноцветных лучей. Довольно долго сверкал тот загадочный символ, затем впервые послышалась волшебная космическая музыка. Завораживающая мелодия, ничуть не похожая на земную, проникла в самое сердце и очаровала душу. Чуть погодя невыразимо прекрасная музыка смолкла, и, освещая все вокруг, появилась величавая золотая птица Хумай. Пролетая над ним, птица счастья обронила из своего крыла перо. Оно какое-то время грациозно парило в воздухе, а потом мягко опустилось в протянутую вверх правую ладонь Салавата. Это было золотое перо. Салавата заставили около часа выводить этим пером движения, как при письме.

В какой-то момент светлый фон потемнел, и на небе появилась огромная голова Ленина. Пару мгновений спустя голова медленно раскололась надвое и обрушилась вниз. Но ее образ еще долго и явственно ощущался в воздухе. Несколько раз показали символ музы.

Прервав движения кисти правой руки, Салавата заставили встать на колени. И вдруг на него сверху обрушился удивительно мощный сноп света, пробивающийся даже сквозь зажмуренные веки, и перед глазами начал медленно летать круглый, как горошина, синий огонек. От неожиданности Салават даже испугался этого ослепительно яркого света и взмолился: «О Всевышний! Одного тебя я страшусь! Прошу, вложи в мое сердце отвагу и мужество, чтоб не бояться ничего и никого, кроме Тебя! О Аллах, безгранично благодарю Тебя за то, что привел в этот мир, простил огромные грехи и удостоил такого большого посвящения! Не лишай меня имана и в будущем, не дай отступить с пути истинного! Позволь мне ниспосланным Тобой золотым пером написать великие произведения и напомнить человечеству Твою истину! Дозволь лишь Тебе одному служить и выполнить мой долг, о Господь!»

После мольбы изумительно мощный свет снизошел вновь, а в последней части посвящения похожих на синие горошины огоньков стало много — они медленно кружились перед ним. Теперь Салават не испытывал страха, был полностью охвачен чувством радости. Когда посвящение завершилось, жена вывела Салавата из под канала и спросила:

— На тебя сошло столько света, ты почувствовал?

— Даже через закрытые веки свет ослеплял глаза.

— Объяснили, что такой яркий свет бывает при высочайшем посвящении.

— Я где-то читал, как на одного видного религиозного деятеля, уже не помню имени, после долгих молитв и зикров¹ снизошел луч. Тот человек был безмерно счастлив. Позже, надеясь хотя бы еще раз лицезреть тот луч, он годами читал дополнительные намазы, проносил зикр. Но не увидел... На меня свет посвящения снизошел дважды...

На лицо Лилит почему-то легла тень. Наморщив лоб, она чуть помолчала и затараторила с гневными нотками в голосе:

— Кстати, у них к тебе и нареканий немало. Категорически запретили пить и курить. Оказывается, табачный дым наносит большой вред эфирному телу. Велели не пялиться на женщин, как охотник на дичь. — Жена сверкнула глазами. — Еще вот что: многочисленные раны, муки телесные были даны тебе как испытание, для закалки. А ты даже не понял их смысла... — В словах, сказанных с каким-то мстительным удовлетворением, как и на лице жены, явственно читалось: «Ты дурак!» — Ведь ты, едва поднявшись на ноги после стольких операций, откинул костыли и заковылял по бабам. — Лилит издевательски улыбнулась

— Да ладно тебе, — буркнул Салават, сочтя нужным что-то сказать в ответ, и тут же прикусил язык. Возразишь жене в такие минуты — жди урагана. Так оно и вышло.

— Что ладно? Что тебе ладно? Позабыл уже, как оставил свое главное предназначение — творчество? И на что променял призвание? С прямого пути свернул налево и поскакал за бабами, как бешеный племенной бык! Да, кстати, «главное предназначение» — это не мои слова, так передали свыше. Я таких-то слов и не знала... А ты! Диву даюсь, в голове не укладывается, чем заслужил такое?! — недовольно продолжила жена после небольшой паузы. — Был избран Богом, одарен талантом, чтобы, придя в этот мир, создавать великие произведения. — Лилит криво усмехнулась. — Должен же их кто-то написать. Судя по истории, бессмертные произведения творили люди и поглупее тебя. Взять хотя бы Ван Гога, который отрезал себе ухо и подарил возлюбленной шлюхе. А ты!.. Скажи, куда ты запихнул Богом данный талант?

Салават густо покраснел.

«Сколько лет я ради тебя и наших детей, оставив живопись, гоняюсь за деньгами и призрачным богатством! Не ты ли так настойчиво требовала у меня дорогие тряпки, меха, золото и бриллианты? Не ты ли укоряла,

мол, брат Светы Секваровой, большой начальник, подарил жене машину, вот, оказывается, какими бывают настоящие мужчины... Я прекрасно знал, что живописью больших денег быстро не заработать. Для этого нужно посвятить искусству всю жизнь. А тебе нужны были деньги, вещи, достаток сразу же... Потому я и старался стать "настоящим мужчиной", таким, как брат твоей Светы. И лишился самого сокровенного для себя — творчества. Все это было сделано для тебя и детей, ради благополучия семьи. Ведь мне еще в школе и университете вбили в мозг догму: "Чтобы построить коммунизм, вначале необходимо создать его материально-техническую базу". Когда всенародная мечта о коммунизме для всех рассыпалась вдребезги, я решил построить коммунизм для своей семьи. С этой целью и встал на скользкий путь дикого российского бизнеса...»

Если бы Салават не получил сегодня посвящения, эти слова неминуемо сорвались бы с его языка. А Лилит, по обыкновению выпучив глаза, отвратительно вывернув губу, бешено набросилась бы на него, визжа дурным голосом и швыряясь чем ни попадя. Салават бы тоже не остался в долгу. Лилит, в свою очередь, приметив краешком сверкающих злобой глаз, что посуды на столе не осталось, кинулась бы на мужа, как мартовская кошка, пытаясь вонзить ногти в лицо.

Салават еще сильнее покраснел от гнева, но слова, предназначенные Лилит, удержал в себе. Потому как отлично знал: скажет слово поперек — рассорятся в пух и прах. Хорошо еще, если не подерутся. Но в столь важный для него день посвящения вовсе не хотелось замарать душу пустячной ссорой.

Чем дольше он молчал, тем пуще распалаясь жена:

— Запомни: только благодаря мне достиг ты таких успехов! Аллах меня дал тебе в ангелы-хранители. Кабы не я, давно бы уже в тюрьме сгнил или бомжевал с алкашами, как некоторые твои дружки детства. Почти все твои сверстники уже вымерли. Скажи, где теперь Сергей Таранин, двухметровый русский богатырь? Вы ведь с ним в одном дворе выросли. И куда делся тот Сергей-Алпамыша²? — Лилит воспользовалась приемом древнегреческих ораторов: желая встряхнуть старательно сдерживающего себя Салавата, задала ему риторический вопрос. Не получив ответа, она вдохновенно продолжила:

— Не повезло Таранину, непутевая жена ему попала. Потому помер от пьянства, еще и сорока не было бедняге... А вот тебе сча-астье привалило! Еще ка-ак привали-ило! Не забывай: только после женитьбы на мне Бог распахнул пред тобой врата счастья!

² Алпамыша — герой-богатырь, центральный персонаж одноименного эпоса тюркских народов.

¹ Зикр — слова поминания Всевышнего.

Салават недоуменно посмотрел на жену: какая же муха ее сегодня укусила? Почему она так голосит в столь радостный для него день? Или она так поздравляет мужа с получением высокого посвящения?

Лилит, похоже, начала выдыхаться, значительно уменьшила уровень децибелов в голосе, снизила и скорость пулеметного обстрела ядовитыми словами-пулями, направленными мужу в самое сердце.

— А еще перед посвящением ходил обиженный — мол, слово ему не по нраву сказали... Разве сам меня мало обижал? Свыше ясно объяснили: «Он не хотел понять тебя, твое стремление помешать его распутству воспринимал как ограничение личной свободы».

Еще сказали: «Обидевшим того, кто излечивает людей, действуя по велению божьему, уготовано суровое наказание». Понял? Тебе запретили обижать не только меня, но и чужих людей. А еще повелели полностью прочитать Священный Коран. Я спросила с удивлением: «Если у него так много грехов, почему же ему ниспослали посвящение?» Оказывается, и в этом имеется моя заслуга: «Он возвысил тебя, помог в твоей работе. За то, что поддержал в добрых делах, возвысим и его». Справедливости ради уточню, сначала сказали: «Он — избранный раб Аллаха». Запомни самое главное, они повторили это несколько раз: «Если он вернется к прежнему образу жизни — познает и муки душевные! А они намного тяжелее мук телесных, которые он испытал».

Вспомнив о чем-то, Лилит сделала паузу и спросила:

— Видел, тебе вручили золотое перо?

— Да, мне его обронила птица Хумай.

Лилит снова потемнела лицом.

— Передали тебе и указания касательно творчества: не изображать блуд, обнаженных женщин, постельные сцены, а создавать произведения, несущие свет и веру в души людей! А первое произведение, которое будет написано тобой после посвящения, — «Апокалипсис». Оно должно стать триптихом о себе. Потому что твоя нынешняя и будущая духовная биография уникальна и может служить большим уроком людям.

Вот что еще сказали: посвящение поможет тебе постепенно понять, как именно создавать эти произведения. И что истинный смысл полученного тобой посвящения дойдет до тебя позже. Главное, ты никогда не должен забывать, что ты художник, удостоенный высокого посвящения. Советуют после «Апокалипсиса» заново переписать картину «Пир» и выставить ее. Кроме того, теперь тебе строго запрещено спиртное, про чужих женщин и говорить нечего... И велят скорее бросить курить. Табачный дым вредит эфирному телу, затормаживает твое духовное развитие. Если глотнешь хотя бы каплю спиртного, в наказание заберут меня...

На следующий день после посвящения Лилит категорически потребовала:

— Не все же время мне работать, нужно и развиваться. Отвези меня в Москву! Пора получить дополнительные каналы!

Внимательно посмотрев на хмурую жену, Салават дал согласие:

— Хорошо, скоро отправимся.

— Скоро? А почему не завтра?

— Уже готовы надгробные памятники на могилы Гульфаризы-олясэй, отца, бабушки Уммикамал и Шагидуллы-атая. За эти несколько дней надо отвезти и установить их.

Лилит согласно кивнула. После непродолжительного молчания она взволнованно заговорила:

— Знаешь, во сне я часто вижу себя в огромном мраморном дворце. На мне богатая одежда. На голове — золотая корона с драгоценными камнями, на шее — массивный крест на золотой цепочке. Как ты думаешь, что могут означать эти сны? — Лилит вопросительно уставилась на мужа.

— Понятия не имею. — Салават удивленно пожал плечами.

— И как же растолковать эти странные сны? — продолжила допытываться Лилит, словно ожидая чего-то от супруга.

— Ничего не могу сказать. Главное, чтоб к добру были...

— Может, в одной из прошлых жизней я была королевой? — Лилит с надеждой посмотрела на Салавата.

В девяностые годы в обществе были широко распространены идеи буддизма и много говорилось о реинкарнации. Почти каждый уважающий себя экстрасенс наловчился зашибать деньгу, таинственным голосом рассказывая клиентам об их прошлых воплощениях.

— Не знаю, возможно, — наконец ответил жене Салават.

Лилит будто того и ждала и порывисто выдала взлеянную в душе амбициозную мысль:

— Огромный мраморный дворец, дорогие одежды, золотая корона с драгоценными камнями, крест на золотой цепочке — не зря мне это снится... Я же чувствую себя в этих хоромах хозяйкой! Мне пришла сверху информация, что в прошлой жизни я была королевой и стану ханбикой¹ и в жизни нынешней! Да и самой хочется крест надеть.

— Что? — Салават оторопело посмотрел на нее.

— Почему-то хочется носить крест...

¹ Ханбика — жена хана, царица.

Вконец растерявшийся Салават спросил первое, что пришло в голову:

— Как у Назиры?

— Нет, мне чужой не нужен! Хочу крест на золотой цепочке.

— Ну уж нет, об этом и речи быть не может! — категорически запретил Салават.

* * *

Исполнив долг перед усопшими предками, как и договаривались, супруги Байгазины полетели в Москву.

Оказалось, Джамиль Базаров и Индира Хусу перенесли свою школу в здание побольше, переименовав ее в Институт космоэнергетики и специальной психологии. Организовали дневное, вечернее и заочное отделения. Отучившись три года, студенты получали степень магистра космоэнергетики.

Салават и Лилит зашли в ауракамеру, установленную в одной из комнат, где им сделали снимки. Они слышали, что Индира Хусу хорошо читает такие снимки, дает по ним пояснения и советы. Пока Лилит хлопотала о получении дополнительных каналов, Салават отправился к Индире. Теперь уже прогрессор космоэнергетики, кавалер Мальтийского креста, доктор медицинских наук Индира Хусу, миловидная женщина с льняными волосами, смерила его пронизательным взглядом голубых глаз.

— Посмотрите, пожалуйста, наши снимки.

На лице Индиры мелькнула легкая тень недовольства. Похоже, ей изрядно надоели подобные просители. Тем не менее, взглянув на снимки, она оживилась, с уважением и даже с удивлением вскинула глаза на Салавата:

— Ваш снимок изумителен! Над головой светлые пятнышки, как звездочки, а на голове большущая белая корона!

Салават смущенно поинтересовался:

— Извините, а что они означают?

— Огромная белая корона и светлые пятнышки, напоминающие яркие звезды, указывают на ваш высоко-развитый дух, большие возможности и обладание высочайшим посвящением.

Салават посветлел лицом:

— Да, недавно мне дали посвящение.

— Каким образом?

— Под каналами космоэнергетики. — Салават вкратце рассказал о полученном посвящении.

Внимательно глядяваясь в снимок ауры Салавата, Индира Хусу задумалась, затем решительно покачала головой:

— Ошибаетесь, высочайшее посвящение было дано вам вовсе не недавно...

— А когда же? — удивился Салават.

— С рождения.

— Я хочу развить себя в качестве художника. Это посвящение поможет достичь моей цели? — задал Салават волнующий его вопрос.

На лице Индиры Хусу отразилось некоторое разочарование:

— Поймите же, речь не только об этом. У вас возможности гораздо выше. Обладая такой короной, огромным потенциалом, вы сможете подняться до уровня духовного лидера! Конечно же, чтобы сбить с пути, вас постараются отвлечь ложными целями, обмануть...

Салават указал на снимок Лилит:

— На голове моей жены тоже корона. — Действительно, на снимке ауры Лилит тоже была заметна крохотная корона, как на принцессах из мультфильмов.

Индира Хусу иронично улыбнулась:

— Нашли с чем сравнивать. Короночка вашей жены — всего лишь знак посвящения на каналы космоэнергетики, данные нами. Ваша же огромная корона — знак высочайшего посвящения, ниспосланного вам еще до рождения.

На снимках и Салавата, и Лилит, прямо над их макушками, виднелись черные квадраты. Жена истолковала их по-своему: «Твоя любовница Зульфия сделала нам на смерть». Салават указал на них:

— Жена говорит, что эти квадраты — признак порчи, сделанной нам на смерть. Она права?

Индира снова улыбнулась:

— Нет. Как же вам сказать помягче? В общем, черные квадраты — признак связи с нижними мирами.

Салават пока не готов был понять смысл этих слов, а расспросить подробнее постеснялся. Он не хотел показывать свою безграмотность в области духовных знаний.

Столь высокая оценка Индирой Хусу личности Салавата, похоже, подтвердила информацию, переданную через Лилит во время сеансов космоэнергетики. Правда, Салават не ощущает в себе такого уж величия. Знает, что талантлив, но вовсе не притязает на головокружительные высоты и значимость. Мало того, отдает себе отчет, насколько несведущ в вопросах религии. Хоть и понимает кое-что неким шестым чувством.

— Если у меня настолько высокое посвящение, почему я почти ничего не смыслю в этих, так сказать, тонких материях?

— Не переживайте. Понимание придет к вам позже. — Индира Хусу таинственно улыбнулась. В ее словах явно читался скрытый смысл.

— Увы, у меня нет времени на живопись, на получение духовных знаний. Все силы трачу на сколачивание состояния. Правильно ли я делаю?

— Да уж, кто-то копит богатство, а кто-то припасает мешки. Не тревожьтесь понапрасну, богатство все равно придет к вам, — все с той же загадочной улыбкой ответила Индира Хусу.

— Большое спасибо за консультацию, скажите, сколько я вам должен? — Салават достал из кармана портмоне.

— Нет, вы мне ничего не должны, — ответила Индира.

— Но вы же работали, потратили на меня время, — настаивал Салават.

— Не волнуйтесь, все в порядке, — твердо стояла на своем Индира Хусу.

— Хорошо, очень вам признателен, — ответил Салават вышел из кабинета.

* * *

За несколько дней Лилит получила четыре канала: «Первый магический», «Зевс», «Краон» и канал любви под названием «Анаэль». Лилит утверждает: стоит открыть этот канал при общении с людьми — они тут же начинают симпатизировать космоэнергету.

После поездки в Москву Салавату пришлось немало побегать по коммерческим делам. Стоит оставить бизнес на три-четыре дня без присмотра, как забот становится невпроворот.

В один из знойных летних дней он остановился возле ближайшего к дому киоска, купил сигареты, пиво и опустошил бутылку прямо в машине. Жажда была просто невыносимой. И внезапно покрылся холодным потом, вспомнив слова Лилит. Ох, незадача, ему же после посвящения нельзя ни капли! И как только у него вылетело из головы столь грозное предупреждение? Даже подумать страшно: ведь предостерегли — если выпьет, в наказание заберут Лилит...

Салават торопливо вошел в квартиру. Лилит с первого же взгляда поняла, что случилось.

— Ты выпил? — В ее глазах отразился страх, голос задрожал. — Что ты наделал?! — Лилит кинулась в спальню.

Салават с похолодевшим сердцем поспешил за ней.

— Ах, моя душа! — Лежащая на кровати Лилит судорожно вцепилась себе в горло, словно желая удерживать рвущуюся вон душу.

Ужаснувшийся Салават стал трясти жену за плечи:

— Что с тобой?!

Лилит не ответила, закатила глаза и затихла.

— Что с тобой?! Пожалуйста, не молчи! Скажи что-нибудь!

Жена не отвечала, недвижимо лежала, уткнувшись застывшим взглядом в потолок.

Салават опустил на колени и, воздев к небу руки, взмолился:

— О Всевышний! Не забирай у меня мою жену! Молю Тебя, ради детей наших, оставь ее в живых! Я совсем забыл о предупреждении не пить, запутался в житейской суете! Господи, прошу, прости меня! Оставь Лилит на этот раз, не отбирай ее у меня! О Милосердный, оставь ее в живых! Прости меня, пожалуйста! Больше в рот не возьму этого зелья, только не забирай мою жену! — Он был так потрясен, что даже слезы брызнули из глаз. В этот миг Лилит слабо застонала. Салават склонился к ней.

— Ты жива?!

— Дай воды... — слабым голосом прошептала жена.

Салават ринулся на кухню. Дрожащими руками налил стакан воды и бросился в спальню. С осторожностью приподняв жене голову, приставил стакан к ее губам.

— Ох-х... — С трудом открыв глаза, Лилит сделала несколько глотков и снова затихла.

А держащий ее за руки Салават снова закричал:

— Потерпи немного! Сейчас неотложку вызову!

В этот момент жена мягко сжала его руку и произнесла:

— Не нужно...

— Почему?! Тебе же плохо! Потерпи чуть-чуть! Скорая помощь придет мигом!

Лилит сильнее сжала его ладонь:

— Говорю же, не надо. Мне уже легче...

Салават опять упал на колени:

— О Всемогущий! Ты оставил мою жену в живых! Тысячу раз благодарю Тебя!

Лилит несколько дней медленно ходила по дому с печатью страдания на лице, время от времени прижимая правую руку к области сердца. Затем заявила мужу:

— Душа к самому горлу подступила. Еще чуть-чуть — и вылетела бы. Думала, все, умру... Нам велят съездить в Аркаим.

Салават не удивился, что нить ее мыслей резко повернула в неожиданную сторону. Слава Аркаима уже давно распространилась по всей стране. Пронесся слух: якобы там побывал даже президент Путин.

— Когда в дорогу? — согласился сразу Салават.

Чувство большой вины перед женой не давало ему покоя, и он был готов на все, чтобы загладить ее.

— Подготовимся за пару дней и двинемся.

Они приготовили палатку, мангал, термос, собрали другие необходимые вещи, замариновали много шашлыка. Прослышав о намерении родственников ехать в Аркаим, к ним тут же прибежала двоюродная сестра жены Науфиля, всегда искренне восторгающаяся ее ясновидческими и целительскими способностями.

— АпаЙ, возьмите меня с собой в Аркаим! — умоляюще воскликнула она.

Как откажешь такой горячей просьбе? Салават и Лилит согласились.

Честно говоря, после стольких потрясений они хотели совершить небольшое романтическое путешествие, побыть наедине, вспомнить уходящую молодость... Но, с другой стороны, и Науфилю надо уважить, ведь она тоже встала на путь духовного развития.

Ехали, часто останавливаясь на отдых в красивых местах. В Аркаим прибыли лишь к вечеру долгого летнего дня.

Аркаим гудел, словно растревоженный муравейник. К рядам вагончиков-гостиниц примыкали многочисленные торговые палатки. Чего там только не продавали! А сколько машин было на автостоянке! Из тысяч туристских палаток образовался целый городок. Из каких только уголков России сюда не приезжали люди!

На пятачке возле рынка, взявшись за руки, непрерывно пели и танцевали кришнаиты в длинных оранжевых одеяниях:

Кришна харе, Кришна харе,
Харе, харе, Кришна харе...

Какие-то сектанты пытались перекричать кришнаитов. Много здесь представителей и других вероисповеданий. Чуть в стороне ото всех восседают в позе лотоса последователи буддизма.

Большинство людей приехали сюда с друзьями, родственниками и даже целыми коллективами как простые туристы. Радуюсь интересной поездке, они едят и пьют, пляшут и поют под гармонику и гитару. В общем, развлекаются кто во что горазд. Возле палаток дымят костры. На них варят супы в котелках и жарят шашлык. Ни на минуту не утихает разноголосый шум, воздух наполнен аппетитными запахами, атмосфера пропитана флюидами вдруг осознанной людьми всеобщей дружбы, любви к ближнему, вкусом и духом веселого праздника.

Салават тоже расторопно поставил палатку, разжег костер. Лилит с Науфилей приготовили пищу. Навевшись жареного мяса, попили чаю и пошли на гору Покаяния.

Имеются в Аркаиме и другие возвышенности: небольшие горы под названиями Разум, Любовь, Желание.

ние и Шаманка. Рядом с ними протекает река Караган. Глубина этой маленькой речки местами доходит до тринадцати метров. Не секрет, что Аркаим с самого открытия облюбовали разношерстные колдуны, маги, шаманы, экстрасенсы, новоязычники, подпитывающие здесь свою энергетику. Они и дали невысоким горам такие экзотические названия.

Аркаим, окутанный ореолом таинственности, обросший мифами и легендами, в последние десятилетия бурно развился как известный на всю страну сакральный центр эзотерики и оккультизма и как туристическая база. Представители различных религиозных сект, эзотерических школ и другие паломники, почитая Аркаим как священное место силы, разносят по миру слухи о мощности и целебности здешней энергетики. Работающий в заповеднике персонал охотно поддакивает им, повышая тем самым коммерческую привлекательность места.

Салават сразу разглядел здесь мощный денежный поток и уразумел, в чьи карманы он втекает. Пораскинул мозгами: не получится ли отвести и себе ручеек от столь широкого и глубокого потока? Но тут же отказался от подобной бизнес-идеи, учтя дальность расстояния. А предприниматели близлежащих Сибая и Баймака могли бы из этой полноводной денежной реки направить часть воды на собственные «мельницы».

Когда поднялись на гору, Лилит зажмурила глаза и воскликнула:

— Ого-го! Здесь действительно очень сильная энергетика! Все вокруг сверкает разными цветами!

— Ага, красиво тут! — несмело поддакнула Науфиля.

На самом деле природа Аркаима довольно скудна: невысокие голые горы, реденький березняк, гигантская гусеница недостроенной дамбы, узенькая речка Караган и ее приток Утяган. А дальше — необъятная степь с выгоревшей на солнце желтоватой травой.

Немало тайн хранит Аркаим. Самая известная из них — почему древние арии, построившие здесь пять тысяч лет назад городок, плавившие медь, пасшие скот, сожгли и поспешно покинули Аркаим? Большинство ученых вполне обоснованно отвечают на сей вопрос: иссякло сырье для производства меди. А люди с богатым воображением придумывают увлекательные мифы и легенды.

Салават задал этот вопрос и жене. Возможно, с помощью ясновидения она проникнет сквозь толщу тысячелетий и выдаст верный ответ. По обыкновению, Лилит крепко зажмурилась:

— Вижу: с горы стремительно катится огромная бочка, объятая огнем. Вот она с грохотом ударилась о деревянную стену Аркаима и разбилась вдребезги, разбрызгивая большие снопы пламени! Стена горит!

Настежь распахнулись ворота, и оттуда горохом рассыпаются во все стороны полуголые люди, похожие на американских индейцев. Они убегают в степь. Истошно кричат люди, испуганно плачут дети, тревожно мычат коровы, ржут вздыбившиеся кони — настоящее столпотворение! Уф-ф, резко заболела голова...

Салават поспешно прервал ее:

— Хватит, не смотри больше!

На вершине горы Шаманка из камней выложен лабиринт со спиралью, закрученной против часовой стрелки. Паломники и туристы один за другим заходят туда, кругами доходят до середины. Постояв немного в центре, возвращаются по круговой тропинке обратно к выходу.

И Салават, и Лилит с Науфилей не понимают значения прохождения по так называемой спирали жизни. В этот момент к ним обратилась женщина лет сорока пяти, прибывшая с казахстанской группой:

— Не заходите в лабиринт! Вы даже не представляете, на какие беды обрекаете себя.

Салават строго глянул на нее, явно давая понять: кто ты мол, такая, чтоб нас уму-разуму учить? Не удостоив ее ответом, он зашагал по спирали, за мужем последовала Лилит, за ними двинулась Науфиля. Однако Науфиля шла по спирали по-особому — на коленях...

И все же слова той казахской женщины посеяли зерно сомнения в душе Салавата. Потом он многие годы сожалел: почему он тогда не усмирил гордыню, не расспросил ее об этом?

— Может быть, та казашка была права: не следовало нам входить в тот лабиринт? — время от времени задавал он жене не дающий покоя вопрос.

Но не знающая мук сомнений и всегда уверенная в себе Лилит отмахивалась:

— Да брось ты, всяк по-своему с ума сходит.

Утром они отправились на место раскопок остатков фундаментов Аркаима. Чудно все-таки, что этот так называемый городок площадью всего-то две тысячи квадратных метров стал прославленным на всю страну брендом, наделал столько шуму. Ведь таких останков древних городищ немало и на Южном Урале, и в Казахстане...

Мало того, некоторые местные ученые бахвалятся: дескать, наш Аркаим на тысячелетие древнее Трои. Их нелепая горделивость напоминает о великих событиях, описанных в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера: Троянская война, развязанная из-за похищения Парисом прекрасной Елены, жены царя Менелая, легендарный троянский конь, смертельная схватка отважных героев Гектора и Ахиллеса... Разве можно сравнить Аркаим с могучим городом-государством Троей, окруженным высокой каменной стеной с огромной цитаделью?

Ступив на место ритуального костра в центре городка, Лилит едва не упала. Удержавшему ее мужу она тихоно сказала:

— Отсюда хлещет мощнейшая энергия!

Услышав ее слова, Науфиля с выпученными глазами шмякнулась на колени и, воздев руки к небу, что-то умоляюще зашептала. На экскурсии было много людей. Поглядывая на нее, некоторые из них стали издевательски посмеиваться. Салавату стало неудобно за родственницу.

Когда о редкостно мощной энергетике Аркаима начала рассказывать экскурсовод, Салават задал длинный вопрос:

— А не объясняется ли эта энергетика высоким уровнем радиации или еще какой-либо геофизической аномалией, возникшей по причине проходящего тут разлома земной коры? Ведь в таких местах, если разлом активен, повышается радиоактивность, выделяются соединения тяжелых металлов и весьма возможно наличие вредных для человеческого здоровья геофизических и электромагнитных аномалий.

Вопрос Салавата поставил в тупик девушку-экскурсовода.

— Ну... Ученые заповедника не отмечают какого-либо превышения радиации. Радиационный уровень в городке должен быть в норме.

И экскурсоводы, и местные ученые, читающие туристам лекции о чудесах Аркаима, тем не менее категорически запрещают увозить отсюда даже маленькие камешки. Якобы Аркаим жестоко отомстит за это...

Из Аркаима отправились в заповедник Шульганташ. Попутно решили заглянуть в деревню Манхыр, чтобы увидеть могилу Мужавира-хазрата. Он был знаменитым в Зауралье муллою и народным целителем. Излечивал больных молитвами и лекарственными травами.

Остановились перекусить возле родника Счастья. Оказалось, что у родника имеется хозяин — бездомный пес. Прогнав залившимся лаем приблизившуюся к его территории постороннюю собаку, «хозяин» встретил их, услужливо виляя хвостом. Мол, добро пожаловать, уважаемые гости! Заодно и показал, кто тут главный. Таков жизненный закон — на хлебное место быстро находит хозяин...

Как только расстелили дастархан, пес-хозяин снова подбежал, повливая хвостом. Салават кинул ему ломоть хлеба, однако тот даже не обнюхал подачку. Да, сытное у него здесь местечко. Салават бросил псу кусок мяса. Пес неслашно отошел в сторонку и лениво сжевал «оплату за место».

Когда отведали воду из родника Счастья, Лилит, указывая на маленькую запруду, обронила:

— Говорят, искупавшийся здесь человек становится счастливым.

Науфиля оживилась:

— Правда, апай? А я так хочу быть счастливой! — Она мигмом разделась до сорочки и бросилась в студеную воду.

— Выходи скорее! Простудишься! — закричала Лилит.

Науфиля для пущей надежности окунулась еще раз и выскочила из воды.

— Чт-то з-знач-чит п-простуда п-по ср-равнению со с-счаст-тьем! — еле выговорила она, стуча зубами.

Науфиля вся дрожала, но весь ее облик и заблестевшие глаза лучились счастьем...

Увидев, как спутница на глазах переполнилась счастьем, Салават с Лилит тоже окунулись в родниковый прудик. Ведь им тоже хотелось счастья...

Близ деревни Файзулла свернули с большой дороги на проселочную, перебрались через маленькую речушку и начали подниматься на возвышенность. В этот момент едва ли не из-под их колес вспорхнули перепелки и опустились чуть поодаль.

Оказалось, в ауле прославленного Мужавира-хазрата осталось всего два дома. Рядом серело здание небольшой фермы.

После смерти Мужавир-хазрат стал башкирским святым, а могила его превратилась в место поклонения. Могилу хазрата нашли довольно быстро. Последнее пристанище муллы было ограждено бетонным укреплением высотой около метра. Его возвел младший сын Мужавира-хазрата, пытаясь защитить могилу от нашествия паломников. Говорят, те хоть и горстями, но довольно много землицы унесли отсюда — стала образовываться яма. Как их остановишь! Веруют в целебное свойство могильной земли...

Путники задумчиво стояли возле надгробия, когда их кто-то окликнул.

— Здравствуйте! — К ним подошла смуглая худощавая женщина неопределенного возраста, запыхавшаяся от быстрой ходьбы. — Вы обойдите могилу несколько раз.

Они постояли в нерешительности, пока Лилит не предложила:

— Я тоже слышала, что надо с пожеланиями обойти могилу хазрата. Давайте и мы так сделаем!

Она пошла первой, за ней последовали Науфиля и Салават.

— А сколько раз нужно обернуться вокруг могилы? — спросила Науфиля у той женщины.

— Сколько захотите. Достаточно и одного раза, — объяснила женщина. Когда путники остановились, она

добавила: — А теперь оставьте здесь хаир. Обычно все кладут деньги вот сюда.

Положив милостыню на указанное место, Салават полюбопытствовал:

— А много народу приезжает?

— Откуда только не едут! — живо откликнулась женщина. — Часто приезжают группами. Возле зыарата¹ забивают курбан², разжигают костер, варят мясо, читают намаз. Иногда устраивают какие-то представления: ходят кругами, держась за руки, танцуют, кричат что-то. Последнее время зачистили молодежны, едут вереницей после загса.

— А что им тут делать? — удивился Салават.

— Хотят получить благословение у Мужавира-хазрата.

— Разве может покойник кого-то благословить? — еще больше поразился Салават.

— Мой свекор может, — с гордостью ответила женщина.

— Свекор, говорите?

— Да, Мужавир-хазрат мне свекор. Я жена его младшего сына Хамидуна.

— Вон оно что... Вы живете в этом ауле? — примкнула к беседе Лилит.

— Да, в доме свекра. Меня зовут Магира. Идемте к нам пить чай! Я вам покажу его книги и посох, — предложила женщина.

— В дом Мужавира-хазрата?! — Широко раскрыв радостные глаза, Науфиля даже захлопала в ладоши. — Конечно, пойдём!

Дом покойного муллы стоял на берегу маленькой речки с довольно быстрым течением. В соседнем добротном доме, оказывается, проживала племянница хазрата.

Возле окна сидел задумчивый мужчина лет сорока пяти. Он был одет по-деревенски, в рабочую спецовку.

— Хамидун! Встречай гостей! — скомандовала Магира.

Хамидун с вежливой улыбкой взглянул на вошедших, но не сдвинулся с места. Салават подошел к нему и представился, пожав руку:

— Салават.

Мужчина ничего не ответил, даже не поднял взгляда, только блаженно улыбался.

— Вы тоже читаете намаз? — поинтересовался Салават.

— Не-ет... — робко и сконфуженно протянул Хамидун.

— Умеет он читать намаз, умеет, просто стесняется. Даже писать по-арабски может. Ну-ка, покажи свои бумажки на арабском! — вновь приказала Магира.

Хамидун даже не шелохнулся, лишь стесненно улыбался. Он так и не вступил в общую беседу. А с лица не сходила блаженная улыбка. «Божий человек» говорят о таких...

Лилит подошла к Хамидуну, вперила в него прищуренные глаза:

— А ведь вы тоже имеете целительский дар, только не используете его. Ваш отец сердится, что не помогаете людям...

Хамидун ничего не ответил. Лишь не сходящая с его лица робкая улыбка стала печальнее.

— Сейчас я покажу вам книги Мужавира-хазрата, — увела хозяйка разговор в сторону.

Она распахнула дверцу шкафа и начала выкладывать на стол религиозные книги.

— Много было книг у хазрата! — изумился Салават.

— Их еще и в подполе полно, — бросила Магира.

— Не держите книги в подполе, ведь там сыро! — забеспокоился Салават.

— Разве? Ну ладно, тогда поднимем наверх, — поспешно согласилась Магира.

Путники осмотрели книги, но прочесть не смогли — они были на арабской графике.

— Ученые не заинтересовались ими? — спросил Салават.

— Нет, мы раздаем их приезжающим на его могилу, — деловито ответила Магира.

«Разве можно так? Ведь эта библиотека принадлежала знаменитому мулле, свято чтимому в народе. Возможно, эти старинные книги — настоящие реликвии...» Пока Салават обдумывал услышанное, Лилит задала вопрос:

— А можно купить какую-нибудь из книг Мужавира-хазрата?

— Конечно, пожалуйста! — радостно закивала женщина. — Какая понравится — ту и берите.

Лилит выбрала приглянувшуюся ей книгу и отдала деньги.

— Мне тоже надо... — умоляющим голосом произнесла Науфиля.

— Бери-бери, сестренка, не стесняйся! — Магира повернула к ней опухшее, но довольное лицо.

— Апай, можно взять по одной книге для матери и сестер? — Выбрав еще несколько книг, Науфиля протянула оживившейся женщине деньги.

Салават с неудовольствием наблюдал за этой торговлей, будто разбазаривали его собственные ценности. Голову будоражила мысль: «Имеем ли моральное право покупать эти книги?»

¹Зыарат — кладбище.

²Имеется в виду животное для заклания, жертвоприношения.

Магира откуда-то достала потемневший от времени посох с красивой резьбой:

— А это имамский¹ посох Мужавира-хазрата!

Лилит торжественно взяла в руки посох, зажмурилась и покачулась:

— Ах, от посоха идет сильнейшая энергия!

— Я тоже хочу поддержать! — Округлив глаза, Науфиля схватилась за посох обеими руками.

Магира смотрела на них с каким-то ожиданием во взгляде. Похоже, она была готова продать его. У Салавата промелькнула тревожная мысль: «Как бы эти жадные бабы не выцганили еще и посох хазрата...»

Лилит с Науфилей продолжали ахать и охать над посохом, ни в какую не желая выпускать из рук такую ценность. Лилит умоляюще посматривала на мужа.

— Что, очень понравился посох хазрата? — Магира действительно хотела продать посох, поэтому и подзадуривала их.

В глазах Лилит мелькнула надежда и одновременно отразился страх.

Салават резко осадил их:

— Все, хватит! Отдайте посох! — Он почти силой вырвал у них посох и всучил Хамидуну: — Держи, Хамидун-агай, береги отцовскую реликвию. — Салават повернулся к Магире. — Ладно, апай, нам пора.

— Куда торопитесь? Сейчас баню затоплю, попаритесь, переночуете...

— Спасибо, апай, нам сегодня нужно добраться до Шульганташа.

— Ну ладно тогда... — У хозяйки упало настроение.

— Тут можно купить кумыс? — спросила Лилит.

Магира еще сильнее потемнела лицом.

— Вон та продает! — Она с неприязнью махнула рукой в сторону дома единственной соседки — племянницы мужа.

* * *

До заповедника Шульганташ доехали лишь к вечеру. Поставили палатку возле Агидели, разожгли костер.

После Аркаима здешняя природа показалась путешественникам райским уголком. Совсем рядом с пещерой Шульганташ, нежно касаясь красноватых и голубоватых скал, течет прекрасная Агидель. Река в этих краях так чиста, что отчетливо виднеется дно. То там, то тут поблескивают серебристые спинки рыб. Все вокруг окружено изумрудно-зеленым лесом. Воздух был так свеж, что путники не могли надышаться

ся. Купили билет, чтобы наутро побывать в пещере на экскурсию.

При входе в Шульганташ из глубины появляется подземная река и, образовав небольшое озеро, с журчанием бежит дальше. Это озеро, описанное в эпосе «Урал-батыр», очень глубокое и таинственное. Озеро как-то попытались обследовать водолазы, но их вытащили оттуда мертвыми. У них разорвалось сердце. Что они увидели там такого, что не выдержало сердце? На этот вопрос ученые еще не нашли ответа. А Лилит ответила с ходу:

— Это же мертвая вода, вытекающая из царства мертвых. Водолазы дошли до ворот Аида и отдали там душу. Но если есть река с мертвой водой, значит, поблизости должен быть и родник с живой водой, о котором поведано в эпосе «Урал батыр». А-а, вот он... Я его вижу: журчит в одном из неоткрытых покаталов пещеры. Живая вода... она как молоко. Только не такая белая...

Из путешествия вернулись набравшимися ярких впечатлений и успокоившимися. Взаимоотношения между мужем и женой наладились. Лилит призналась, что душа ее встала на место. Для Салавата это было важное известие...

МАЛЫЙ ЭПИЛОГ

Жизнь продолжалась. Семейная лодка Салавата и Лилит даже после страшных ударов цунами не опрокинулась, поплыла дальше по океану жизни. И все-таки бури, ураганы и цунами не проходят бесследно. Более того, временами напоминают о себе. В один из спокойных и умиротворенных дней Салавату неожиданно позвонила Зульфия и огорошила известием: «Я тебя до сих пор люблю, вот и звоню. Скажи, выходишь мне замуж или нет?» Оказалось, ее полюбил руководитель отдела безопасности крупного завода. Что ей мог ответить Салават? Лишь благословил: «Будь счастлива».

После стольких потрясений Салават с Лилит испытывали необыкновенный душевный подъем, даже эйфорию. Им казалось, что они наконец постигли смысл жизни.

Науфиля, похоже, тоже нашла себя. Донесся слух, что ей привиделся чудной сон. Во сне ей кто-то предложил: «Если хочешь, сможешь стать экстрасенсом и ясновидящей, как твоя сестра Лилит». Науфиля отказалась от заманчивого предложения, на другой же день встала на намаз...

«Мы словно герои романов Ивана Тургенева — новые люди своего времени», — гордились они в особенно счастливые минуты.

¹ Имам — мусульманское духовное звание в исламе, ученый муж и правовед, хорошо знающий Священное Писание, хадисы и законы шариата. У суннитов синоним этого слова — мулла.

Вскоре в семью пришла новая радость — родилась дочь. С внутренним потрясением Салават вспомнил: ровно девять месяцев назад, когда он стоял под каналами перед посвящением, три раза увидел младенца в пеленках!

Лишь сын, похоже, не был рад семейному покою и счастью. Рустам с прохладцей воспринял воцарившийся между родителями мир.

И все же важное для Салавата обстоятельство гложет его сердце: увлекшись новыми бизнес-проектами, он до сих пор так и не приступил к картинам. Почему-то чем больше становится у них денег и имущества, тем дальше отдалается от него творчество. Неужели его крылатый конь вдохновения Акбузат, лишь отошедший пастись на время, и вовсе упорхнет от хозяина и исчезнет в небесах?..

Кроме того, Салавату изредка снится закованный в кандалы Салават Юлаев, который что-то громко выкрикивает ему издалека. Но Салават до сих пор не может расслышать слов предка — мешает звон цепей и кандалов. После Салават-батыра, как правило, видится младенец в колыбели, висящей на разлапистой ветке дерева.

Что хочет сказать потомкам прославленный батыр сквозь века?

Прошлой ночью Салават снова видел странный сон. Будто они с Лилит, полуобнаженные, идут под руку по прекрасному, утопающему в цветах и плодовых деревьях саду. Вот они приблизились к яблоне с красными, восхитительно пахнущими яблоками и с вождением уставились на манящие плоды. Лилит не утерпела, сорвала спелое яблоко, нетерпеливо и с аппетитом откусив, протянула ему...

Конец первой книги

